

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Никоненко Сергей

15.04.06
Моск.кленодом.лес.- 2006 - 15апр - с.57

В буфете Союза кинематографистов публика собирается самая разная. Непризнанные лохматые гении в потертых серых пиджаках рассуждают о высоком. Признанные — Виктор Сухоруков и Александр Башаров — обнимаются, расцеловываются. С серьезными лицами потягивают кофеек Хмельницкий, Панкрайт-Черный. Одного из посетителей, угрюмого и склоненного, неверная походка занесла за мой столик. "Слушай, парень, я актер, — не знакомец дышит в лицо перегаром. — Гонорар за сериал не заплатили, поможешь?" Достаю из кармана десятку — обиделся: это мало, говорит.

Но вот и тот, кого я ждал. Невысокий, коренастый, с озорной хитринкой в глазах. И прямиком — к стойке бара. "Дайте чайку". — "Черного, зеленого?" — "Зеленого. И пару конфеток". — "Пожалуйста, эти по десять, эти по двадцать". "По два-а-дца-а-ать?!" — Никоненко изображает верх изумления. Взяв двумя пальцами шоколадную конфету за край фантика, актер сгибает руку в локте, и в следующую секунду нарядная сладость ныряет ему в руки. "Нет, — говорит, — дорого". Буфетчицы хотят, а шутник все не унимается. "А такой еще фокус, как на рынке, знаете? Так, почему у вас яблочки, а эти, а эти?" Свернутая цилиндром газета в руках Сергея Петровича цепляет еще штук пять разноцветных конфет. И этому человеку исполнилось 65! — Где научились таким фокусам, Сергей Петрович?

— О, фокусы люблю с детства. В школе я был человек-концерт — пробовал все жанры: пел, плясал, читал стихи. Ну и фокусы показывал. Например, такой. Просил у зала дать мне сто рублей. Это была шутка — конечно, ни у кого ста рублей не было. У кого-то находилась трешка. И тогда я громогласно заявлял: "Прошу записать номер". Потом опускал купюру в конверт, со стола брал спички, поджигал конверт, он горел. А я со стола брал коробок спичек и кидал его в зал тому, кто мешал три рубля. И на дне этого коробка тот находил свою трешку.

— И в чем же секрет?

— Да, пожалуйста, очень простой фокус. Он выполнялся вдвоем, ассистировал мой брат, который сидел под столом. В конверте было разрезано дно, и, когда я засовывал туда три рубля, трешка попадала мне в руку. Незаметно выбрасывал ее под стол, сам брал спички, поджигал уже пустой конверт. И пока разыгрывал фокус, мой младший брат спокойненько складывал эту трешечку заранее заготовленный коробок, а затем подкладывал мне его на край стола.

— Вполне безобидный фокус. А вот тот, что показали у стойки бара, с криминальным душком. Пользовались им по молодости лет?

— Это как на рынке можно яблоко воровать? Нет, конечно. Другое было. Меня когда из дневной школы попросили, — несмотря на то что я был неизузданный человек-концерт, успеваемость действительно была нулевая, — я пошел в вечернюю. А там спрашивали: где работаешь? Надо было быстро куда-то устроиться, и я пошел работать кондуктором. Как сейчас помню: 6-й автобус, маршрут Силикатный завод — Даниловский рынок. И первые три дня меня там больше учили не работать, а воровать. Ну, во-первых, с тобой не будет дружить водитель, если вечером после смены ты не дашь ему хотя бы четвертной. Ну и себе оставляли рублей 75, а то и соточки.

— Каким образом?

— Ну что за лизбез?.. Кому как сдача дать. Тонкий психологический момент. Едет молодой человек с девушкой — он никогда сдачу не проверяет, а бабушка всегда будет считать копейки. Ты ей можешь продать "стариков"

— это самое выгодное. А что такое — "продать стариков"? Старый билет продать еще раз. Да элементарно: на

Добрининской площади набивается полночь автобус, до Даниловского

рынка проезд стоит 30 копеек, а вы всем даете по 20. Короче, учили воровать. Честно работать в этой профессии было очень трудно.

— Такие маленькие хитрости пригодились вам в кино? Режиссеру Никоненко приходилось обманывать актеров?

— Ну а как же! Не обманывать, но хитрить немножко, изловчаться. Допустим, на съемках фильма "Трын-трава" у меня играла замечательная актриса Лиза Федосеева. А она немножко долго разогревается. Идет как бы на ощупь, набирает от дубля к дублю: все лучше, лучше. А партнер ее Коля Бурляев, у того самый лучший дубль — первый. На втором он уже морщится начинает, на третьем все ему надоедает. И как соединить? Отвожу Федосееву в сторону, говорю: "Лиза, ты знаешь, Коля Бурляев, он такой ка-призный, давай я буду твоим партнером. А потом Колька приедет, мы его отдельно снимем". Конечно-конечно, — говорит, — я даже нервничала, когда он рядом". А Коля действительно — он весь такой немножко дерганый, как нерв оголенный. В общем, вызываю Лизу на 10 утра. А Кольку — на 12. Начинаем снимать: первый дубль, второй... Два часа проходит, и тут приезжает Бурляев. "Ой, вот и Коля приехал, — говорю Лизе, — может, теперь с ним?" — "С удовольствием!" Они играют, и мы этот дубль снимаем. А все предыдущие шли на пустую камеру...

— А как обмануть режиссера, знаете?

— Конечно! Рассказываю. Фильм "Не подсуден", режиссеры Усков и Краснопольский. Пришел на съемки, говорят: "Сережа, какой-то ты молодой

Сергей НИКОНЕНКО:
"Опасное заболевание
у актеров — играть в жизни.
В мою молодость чаще всего
играли в... шизофрению"

АОСТАЛЬНОЕ-
"ТРЫН-ТРАВА"!

слишком. Может, усы ему приклеим? Давай усы..." Думаю: какие усы? Ну, второй пилот, вроде он пижон, вроде ему стюардесса нравится. Гримеру говорю: давай пижонские — тонкие, по губе. Посмотрел в зеркало с прищуром, чуть набекрень фуражку — уже разбитый паренек. Показываюсь режиссерам — те: "Ой, Сережа, что-то не то. Ты так изменился, даже на себя не похож, что-то потерял..." "Ребята, — говорю, — я все понял". Опять к гримеру, тот: "Ну что, какие теперь клеим?" — "Ничего не клеим. Посидим 20 минут". С этими же усами прихожу к Ускову и Краснопольскому через 20 минут. "А эти как?" — спрашиваю. "Ну, это уже другое дело!"

— Людей творческих провести не так уж и сложно — все с чудинкой. А вы как-то чересчур нормальны. Может, это плохо?

— Я вам так скажу. Есть опасное заболевание у актеров — играть в жизни. В мою молодость чаще всего играли в шизофрению. Считалось: о, он шизик — это супер! Тарковский — все были уверены — ну просто шизантут полностью. А если ты нормальный, то вроде как второй сорт, вроде уже не первак. Я знал актрист, не будь уж называть фамилии, которые подогревали в себе шизофрению, искали ее любыми способами. И очень неважно закончили свою жизнь...

■ ■ ■

ко. 170 ролей в кино. Это говорит о работоспособности или о неразборчивости?

— Как вам сказать. Мне работа в кино чаще всего доставляла удовольствие. Разве что фильм "Земляки" по сценарию Шукшина — там мне не повезло на режиссера. Валя Виноградов. Он не бесталанный, но характер — его самый большой враг. Но за что кино еще и люблю — за то, что знаешь: отнялся, и с этим человеком можешь больше никогда не работать. До конца добежишь этот марафон, а в следующий раз спросишь: прости, кто будет сниматься? Я таких парочек-троечку артистов знаю, с кем не хотел бы встречаться на съемочной площадке. Одну только актрису назову — Машу Миронову. Мы репетировали в антре-призе "Чапаев и Пустота". Премьера 7 ноября, а в ночь на 6-е она заявляет: не буду играть. Как это ты не будешь играть?! Для стольких людей это, может быть, единственная возможность заработать деньги, накормить детей. Да это просто плюнуть всем в лицо!

— И все-таки от ролей, судя по всему, вы отказываетесь нечасто?

— Нет, почему — отказываюсь. Лет десять назад мне дали сценарий — ну чистая порнуха. Предлагали играть художника, который совращает несовершеннолетних: уговаривает маленьких девочек позировать, а потом

была девочка! Но она сразу обозвала меня дистанцию. Всем. Я уже и мечтать перестал. А однажды, совершенно случайно, у меня оказался лишний билет в Театр Маяковского, на спектакль "Аристократы". Стоим в очереди в буфет, я возьми да и предложи: "У меня лишний билет в театр. Не хотите пойти?" — "В театр?" — посмотрела на меня. — Я бы хотела". Вечером встречаемся, первым делом спрашивает: сколько стоит билет? И отдала мне ту же деньги. Потом еще раз пригласил в театр, до дома провожал. И вот уже четвертый десяток лет мы вместе.

— Жена командует вами дома?

— Почему так решили?
— А снимаете Катю во всех своих фильмах — другие-то режиссеры вниманием ее не особо блюют.

— Не во всех. Иной раз и обижается — не главную роль даешь. Когда снимаю очередную картину, обязательно спросят: а что я буду играть? Но, знаете, на меня как-то зампред Госкино Павленок буркнул с неодобрением: любите вы, режиссеры, своих жен снимать. "Наверное, это неправильно, — я поддержал его мысль. — Наверное, надо снимать ваших". Он засмеялся... Да, не совсем сложилась ее карьера, могла бы играть больше. Но ведь по-разному складываются судьбы актерские. Я не протянул ее нигде, неставил условий: мол, не буду сниматься, если не дадите роль жене. К тому же у нас трудности были: одно время не совсем здоров был сын...

— Кстати о сыне. Никанор Никоненко — звучит! Имя для великого режиссера...

— Мой дед был Никанор. А сын... Поступил в иняз, занимался немецким, поработал в Германии. Потом свой бизнес организовал. А сейчас оставил этот бизнес и учится — на высших режиссерских курсах. Вот так.

— Еще нестыковка: все актеры ресторана открывают, а вы — музей Есенина. Сами занимаетесь поисками экспонатов?

— Конечно, это ведь самое интересное. И тут некоторые мои роли-то и пригодились. Целые следствия проводили по поиску, допустим, бритвенного прибора Есенина, который он подарил поэту Клюеву. Или серебряной ложечки, из которой комили вареное, может быть, еще Льва Толстого. Есенин ведь женился на внучке Толстого, а у той было столовое серебро, которое подарила ей бабушка...

— Правда, что вы с супругой ведете в музее экскурсии?

— А как же, конечно, работаем по заявкам. Там десять человек водят — уже много, потому что квартира коммунальная, комнаты небольшие, — я ведь не разрушал эту планировку: как была, так и осталась. Кухня, где Есенин скижал рукописи и документы; комната, где гостила его мать. Экскурсия у меня продолжается от часа до полутора. Приходите, почитайте книгу отзывов. Где первый отзыв — восхитительный — от Сергея Безрукова. А папа его, который и в музее-то не был, почему-то очень пренебрежительно отзывает о моей экспозиции. Ну да бог с ним, не хочется добиваться... Честно говоря, я так ждал эту картину, так надеялся...

— Что, смотрели сериал "Есенин" и ругались?

— Я не увидел на экране поэта, я увидел шлану. Как это могло быть — драка с Пастернаком? Вы приходите ко мне в музей, там слова Пастернака о Есенине: "Есенин был живым, выющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкинами называли высшим мещарским началом..." Это что, после этой нелепой сцены Пастернак написал такие слова?! Чего дурить людей, чего передергивать!?

— И теперь боитесь, что молодежь будет судить о Есенине по этому сериалу?

— Ой, прекратите. С Есениным можно низко поступать, унизить поэта Есенинина, на него не может. Для всех все равно останется: "Я по первому снегу бреду, в сердце ландыш вспыхнувших сил..." Я в 80 школах выступал со стихами. Ко мне подходили и молодые девушки, совсем еще девочки, и мальчишки такие же — со слезами на глазах. Я им говорил: ребята, вот Серебряный век, послушайте, как звучат Пастернак, Маяковский, Блок. И как раз в это время приходит Есенин. Почувствуйте, какой разный язык... Ну что вы: слушали так — муха звенела!

— Может, это и есть ваше главное дело в жизни?

— Когда-то в фильме "Пой песню, поэт" я сыграл главную роль — Есенина. Теперь образ Есенина в моей жизни играет главную роль. Это моя отдушина, мое отдохновение души. Как знать, может, когда-нибудь все роли мои забудутся — останется только это...

117 Дмитрий МЕЛЬМАН.

С женой
Екатериной.

ГЕННАДИЙ АВРАМЕНКО

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■